

УДК 159.922.4

Этнопсихокультура личности в условиях трансграничья

Р. Д. Санжаева

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Аннотация. Изучается проблема преемственности в развитии культуры этноса, человечества, основным механизмом которой является традиция, через новое понятие «этнопсихокультура личности» в условиях трансграничья: Россия, Бурятия – Монголия – Китай, где традиционная культура имеет в виду, прежде всего, духовные ценности человеческой жизни в контексте буддийской культуры и образования. Традиции, обряды и обычаи бурятской культуры рассматриваются через многовековой диалог с русской, «семейской» культурами и, как образцы поведения, составляют смысловое содержание культуры. В авторской модели этнопсихокультуры личности выделены три компонента: когнитивный, эмоционально-аффективный и конативно-поведенческий, образующие ценностные ориентации совершенствования психики. Проблема этнопсихокультуры, охватывая все сферы жизнедеятельности человека, затрагивает такие важные ее аспекты, как образование и обучение личности.

Ключевые слов: культура, этнопсихокультура, традиция, коммуникации, общение, трансгранижье, образование, учитель.

Н. К. Рерих, провозгласивший лозунг «Мир через культуру», слово «культура» делил на два корня: «культ-» (почитание) и «ур-» (свет – в переводе с тибетского, монгольского и бурятского языков). В традиционных культурах Востока «свет» всегда ассоциировался со «знанием», «учением», «образованием». В современных условиях постмодернизма особое значение приобретает евразийский вариант гармонизации ценностных основ западной и восточной культур. Цивилизация западного типа обычно называется техногенной по свойственным ей характерным чертам и признакам. Восточная цивилизация объективно детерминирована общей спецификой, отличной от западной цивилизации, культурами Древней Индии, Китая, Японии, а также национальными особенностями буддийского мира монголов и бурят.

Особенностью буддийской «модели мира», с ее системой и концепцией буддийского образования, является то, что здесь отсутствует обычное деление на субъект и объект, на мир внутренний (психический) и мир внешний (материальный). Идеи Будды по обучению, об отношениях между учителем и учеником, наглядные пособия, методы обучения и т. д. интересны как практика, как способы развития обучения. Образовательные идеалы и технологии буддизма имеют широкие возможности для использования в современной системе образования, так как ее основной принцип – личностно-ориентированность обучения – адекватен основной цели буддийской системы образования – процессу интеллектуального развития посредством личностно сосредоточенного

(центрированного) обучения через освобождение личности от всех форм зависимости. Задача учителя – выявление индивидуальных способностей учеников и планирование для каждого из них индивидуального курса обучения. Знание как абсолютный результат обучения не является самоцелью, главное – интеллектуальное и духовное развитие личности. Поэтому процесс обучения должен быть персонифицированным, личностным. Знание же, лишенное этики, моральных принципов, подобно красивому цветку без аромата. Учение ценно тогда, когда оно подводит человека к совершенствованию. С этой точки зрения буддийская концепция учителя чрезвычайно широка: любой, от которого некто узнает что-либо, является для «некто» учителем. Родители – самые первые учителя: есть, сидеть, ходить – этим трем умениям ребенок обучается родителями. Учение Будды об обязанностях учителей и учеников подробно изложено в «Сигаловада Сутре». Например, учитель должен:

- 1) проявлять любовь к ученику;
- 2) учить его достойному и хорошему поведению;
- 3) старательно обучать его, наделять знанием наук и мудростью древних;
- 4) хорошо отзываться об ученике его друзьям и родственникам;
- 5) оберегать его от опасности, что соответствует современной концепции безопасности в образовательной среде.

Вместе с тем Будда не проявлял пристрастного отношения к авторитету учителя, что могло бы идти вразрез с его принципами бесспорного права каждого человека иметь собственное мнение, свое отношение. Подход Будды к учению как к свободному нестереотипному занятию интеллектуальной деятельностью был очень красноречиво выражен в «Калама Сутре», где он сказал: «Не верь в то, что услышал. Не верь в традиции только потому, что они завещаны многим поколениям. Не верь во что-то только потому, что оно распространяется и говорится многими. Не верь только потому, что это соотносится с твоим Священным Писанием. Не верь домыслам. Не принимай что-либо по явному выходу. Не принимай ничего, не учитывая причин. Не верь во что-либо только потому, что это соотносится с твоим пристрастием. Не соглашайся только потому, что это кажется приемлемым. Не полагайся на авторитет учителей и старших, зная, что они уважаемы. Но когда осознаешь, наблюдая и анализируя, что эти понятия этичны, безупречны, мудры, выполнимы, ведут и способствуют благополучию и счастью каждого и всех, тогда восприми их и живи согласно им». Несомненно, что в наше время 25-вековой опыт буддийской педагогики должен изучаться, особенно в области такой безграничной человеческой деятельности, как образование

Люди каждого последующего поколения включаются в жизнь, в мир предметов и отношений, знаков и символов, созданных предшествующими поколениями, т. е. в мир культуры. Так образуется традиция как важнейший социальный механизм передачи человеческого опыта: если это продуктивная традиция, она способна преобразоваться в контексте общественно нового, способствуя его развитию, приобретает устойчивость и сохраняется.

Это подтверждают данные нашего исследования среди тысячного населения Агинского Бурятского округа Забайкальского края, где на протяжении не-

скольких веков толерантно проживают буряты и русские. В ответах на вопрос «Что Вы включаете в понятие «культура народа?» представители двух национальностей на первое место поставили «традиции и обычаи» как определяющий фактор культуры. Традиции (элементы и системы социального и культурного наследия), обряды (совокупность символических стереотипных коллективных действий) и обычаи (неписанные правила поведения) как образцы поведения составляют смысловое содержание культуры. Пренебрежительное отношение к обрядам, обычаям и традициям в теории и практике ведут к нарушению преемственности в развитии культуры, к утрате ценностных, цивилизационных достижений в истории человечества.

Одинаковые ранги у бурят и у русских по компонентам культуры: «история народа» (третье место), «родной язык» (четвертое) и «национальный характер» (последнее, седьмое место). Интересна дивергентность рангов между «национальным искусством» (второе – у бурят и пятое – у русских) и «особенностями взаимоотношений между людьми» (второе – у русских и седьмое – у бурят). В первом случае различие можно объяснить, во-первых, более естественной средой обитания коренного (бурятского) народа в контексте геокультурного проживания, что, во-вторых, генетически предопределило способности жителей данного региона к различным видам народного творчества. В коммуникативном контексте для представителей русской культуры в силу их экстравертированности значимо общение, особенности взаимоотношений между людьми (например, открытость русских). То, что буряты оценивают данный параметр ниже, является показателем их интравертированности, которая находит выражение, например, в сдержанности поведения бурят.

Ценностно-смысловая сфера человека – основа культуры каждого этноса [16; 19]. В соответствии с характером доминирующей ценности П. А. Сорокин выделял 3 типа культурных сверхсистем:

1) идеациональный (культура брахманской Индии, буддийская и лаосская культура), нравы и обычаи, образ жизни, мышления поддерживали свое единство с Богом и безличное отношение к чувственному миру;

2) идеалистический – промежуточный тип, так как доминирующая ценность этой культуры ориентирована как на небо, так и на землю (западноевропейская культура XIII–XIX вв., древнегреческая – V–IV вв. до н. э.);

3) современный тип культуры. Ее доминирующий принцип – объективная действительность и смысл ее чувственны. Нынешняя «чувственная» культура, считал автор, обречена на закат, поскольку именно она повинна в деградации человека, в предании всем ценностям относительного характера. В то же время он подчеркивал, что культура не погибнет, пока жив человек. Уже сейчас намечаются очертания новой великой идеациональной культуры, базирующейся на ценностях альтруистической любви и этики солидарности [17].

В 20-е гг. прошлого столетия, когда создавалась концепция диалога культур М. М. Бахтина, проблему взаимодействия культур разрабатывал бурятский ученый, профессор Базар Барадин (погибший в 1937 г.), ученик выдающегося буддолога Ф. И. Щербатского. Ведущим концептом была мысль о закономерности общения народов и их взаимном обогащении. Б. Барадин полагает, что

«культура бурят явилась результатом синтеза, в ней можно встретить элементы различных культур: национально-монгольской, индо-тибетской и отчасти китайской и русской». Потому Б. Барадин указывает, что в развитии культуры бурят-монголов «мы найдем: монгольский язык, шаманскую мифологию, искусство, устои и нравы монголов и всю их кочевую культуру с ее стадами, юртами и аргальным дымом. В лице индо-тибетской культуры мы видим монгольский ламаизм с его ламами, монастырями, храмами, бурханами, религиозными театрами и т. д. и отсюда вытекающие религиозно-бытовые привычки и мировоззрение» [4, с. 3]. Бурят-монголы предстают как наиболее самобытный народ в силу его географического расположения и в результате евразийской направленности его культуры. Б. Барадин подчеркивал уникальность Байкальского региона – пространства, куда пришли и где обосновались три великие культуры: шаманизм, буддизм, православие. Территория Бурятии есть особый евразийский регион, место встречи восточных и западных культур, где пересекаются духовно-нравственные, торгово-экономические пути разных народов (например, в прошлом это Великий чайный путь, Великий шелковый путь). Соединение этих путей создает благоприятные условия для образования новой культуры в Байкальском регионе, ибо именно этот район, по мнению ученого, обладает тем потенциалом, который обеспечит становление единой культуры. Данная концепта является методологией современных исследований [2; 14].

Б. Барадин особо подчеркивал, что каждая культура обладает самобытностью и несет для мировой культуры нечто естественное и необходимое. Диалог, взаимодействия культур закономерно в силу их единой направленности – совершенствование сущности человека.

В восточной культуре много «путей» совершенствования человека. Каков совершенный человек, какие факторы влияют на процесс совершенствования – это контекст соотношения понятий «культура» и «психология», квинтэссенцией которых мы определяем понятие «этнопсихокультура» [2; 9; 15]. В контексте культурно-исторической психологии Л. С. Выготского [3; 8; 11–14] данное понятие можно рассматривать как метакатегорию.

Н. В. Абаев выделил фактор культуры – традицию, которую он определил как культуру психической деятельности, или психическую культуру (психокультуру): «В широком и самом общем смысле культура психической деятельности – это определенная степень психического развития личности в направлении, определяемом общими тенденциями развития всей культуры, тот уровень психического совершенствования человека как личности и субъекта деятельности, который достигнут в процессе освоения определенных ценностей, выработанных в данной культуре, приобретения характеристик культурного человека» [1, с. 3].

Роль психической культуры в различных сферах деятельности обуславливалась тем, что она приобретала «характер очень устойчивой традиции, выработавшей достаточно стабильные организационные формы, специальные «технические» приемы и методы психического воздействия, бережно хранившиеся и передававшиеся из поколения в поколение... целый ряд различных систем психотренинга и психической саморегуляции...» [1, с. 5].

Н. В. Абаев рассматривает культуру психической деятельности в рамках культурной суперсистемы – буддийской культуры, системы конфуцианской, даосской и чань-буддийской культур. В понятийном плане нам представляется, что термин «психокультура» больше относится к «психической культуре», чем к «психологической культуре», это более интериоризированное понятие. В этом смысле «психокультура» – понятие более широкое, чем культура психической деятельности.

Л. В. Куликов, говоря о психокультуре личности, подчеркивал, что глубина психологических знаний и умений, широта их использования, несомненно, взаимосвязаны, однозначно не определяют друг друга. Психологические умения предстают как технология использования знаний. В основе психологических умений лежат особые «оперативные» знания правил воздействия на душу, изменения душевного состояния.

Человек использует определенные приемы воздействия на свою психику и психику другого человека в рамках этноса, что и составляет содержание этнопсихокультуры. Этнопсихокультура – психокультура любого этноса – зависит не только от наличного уровня психологической компетентности людей, которым адресованы знания, но и от состояния этнопсихокультуры того контингента, к которому они обращены. Поэтому важно, как считает А. Д. Карнышев, учитывать и развивать межкультурную компетентность, слагаемые ее [12, с. 152].

Этнопсихокультура предполагает определенный уровень адекватности отражения психики. Поэтому точнее говорить о культуре личности, а не индивида, поскольку у ребенка с неразвитым еще самосознанием, у умственно отсталого человека, психически больного адекватность отражения этой стороны реальности или отсутствует, или сильно деформирована. Поэтому актуальна проблема психического и психологического здоровья личности [11].

Познание, регулирование и развитие психики невозможны на основе лишь психологических подходов и методов. Необходим учет и использование социальных, исторических, биологических, этнологических, антропологических и многих других законов, факторов, подходов и методов. Основными компонентами этнопсихокультуры мы выделяем:

1. Когнитивный компонент – включает представления о природе психики, ее возможностях и резервах функционирования, этническую картину мира, образ мира и жизни этноса.

2. Эмоционально-аффективный компонент – объединяет не только способы саморегуляции психическими процессами, состояниями, но и мир ценностно-смысловых, нравственных представлений этноса.

3. Конативно-поведенческий компонент образуют ценностные ориентации совершенствования психики, методы коррекции и развития психических качеств с учетом этнического этикета поведения.

В буддийской культуре (индийской, китайской, японской, монгольской, бурятской) деятельность, мышление и нравственность являются тремя главными характеристиками существования человека. В религиозной философии и психологии понятие «действие» (или «деятельность», «деяние») обозначается словом «карма». Тем же словом обозначается закон причинно-следственной

связи (закон нормы, кармического детерминизма): ни одно деяние в универсуме не проходит бесследно. Человек рассматривается как часть данного мира, подверженного действию этого универсального закона, сопоставимого с законом всемирного тяготения. Действия в восточной традиции понимаются широко – как любые физические, физиологические, биохимические и прочие действия, а также малейшие подсознательные процессы в глубинах человеческого «я». Бытие уже есть действие, вне его существование немислимо.

Действия классифицируются по разным признакам:

- ритуальные, неритуальные;
- обязательные, необязательные (т. е. совершаемые ради блага деятеля);
- те, «что уже дали плоды», те, что «еще не дали плодов», те, «плоды которых проявят себя в последующих рожденьях»;
- те, что прodelьваются телом (ритуалы купания, слушания священных текстов и пр.), медитацией, чувствами;
- побуждения к действиям.

Интересны исследования с позиций спортивной психологии в Бурятском университете в рамках концепции биомеханики движений выдающегося отечественного физиолога Н. А. Бернштейна, который работал в Бурятии в 1941–1942 гг. в Бурят-Монгольском педагогическом институте. Его идеи успешно реализуются и сейчас [6].

Имеется некоторое соответствие между отдельными психическими переживаниями и определенными зонами тела, точнее их субъективным ощущением в этих зонах. Однако только на Востоке это соответствие породило концепцию «психических центров» (чакр). Мы знаем, что эмоциональные переживания обиды или жалости к себе часто приводят к щемящим ощущениям в груди; в ситуации, грозящей нашей жизни, появляется неприятное, сосущее ощущение под ложечкой; размышление сопровождается напряжением и тяжестью в области лба и т. д. Эти ощущения телесных зон в связи с психическими переживаниями были, видимо, субстанциализированы в йоге, буддийской культуре и других восточных учениях как особые центры, или «чакры», тела человека.

Позднее «чакрам» (муладхара, свадхистхана, манипура, анахата, вмшудха, аджна) были присвоены определенные символические изображения и звуки, призванные обозначать их и помогать в концентрации на этих центрах. Тесная связь между психическим и телесным, нашедшая свое отражение в концепции психических центров в восточной психологии, получила признание и в европейской медицине, в отрасли, именуемой «психосоматика».

Восточная психология опирается исключительно на субъективный опыт человека. Д. Т. Судзуки пишет: «Личный опыт – основа буддийской философии. В этом отношении буддийская культура представляет собой радикальный эмпиризм и экспериментализм, каким бы динамическим не было рассмотрение значения достигнутого просветления» [18, с. 30].

Личностный опыт описывается как непосредственное прозрение, лежащее вне области интеллекта и достигающееся при помощи созерцания, взгляда, направленного внутрь. Видение расценивается во всех буддийских школах как основа знания: первый шаг Восьмеричного Пути Самосовершенствования, ид-

ти которым к самореализации рекомендовал Будда, – правильное видение, за которым следует правильное знание. С позиций современной психологии значение «видение» в восточной психологии имеет метафорический смысл, так как мистическое восприятие реальности не относится к миру чувственного восприятия. Когда говорится о «видении», имеется в виду состояние сознания (в восточной нумерологии 87 его видов), которое может включать зрительное восприятие, но никогда к нему не сводится, являясь нечувственным восприятием реальности. Вместе с тем приоритет «видения» как первой ступени в познании мира в восточной культуре адекватен важнейшему положению, что свойство апперцепции в современной психологии стало характеристикой предпрограммы психологической готовности к деятельности личности.

Список литературы

1. Абаев Н. В. Чань-Буддизм и культура психической деятельности человека / Н. В. Абаев. – Новосибирск : Наука, 1983. – 192 с.
2. Актуальные проблемы психологии Байкальской Азии в условиях трансграничья : коллектив. монография / науч. ред. Р. Д. Санжаева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 304 с.
3. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А. Г. Асмолов. – М. : Смысл: Издат. центр «Академия», 2007. – 528 с.
4. Базарова Д. Р. Образ мира молодежи Байкальского региона / Д. Р. Базарова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 160 с.
5. Барадин Б. Вопросы повышения бурят-монгольской языковой культуры / Б. Барадин. – Баку : Изд. Всесоюз. Центр. комитета нового тюрк. алфавита, 1929. – 37 с.
6. Бернштейн Н. А. Биомеханика и физиология движений / Н. А. Бернштейн ; под ред. Д. И. Фельдштейна. – М. ; Воронеж : Модэк, 1997. – 484 с.
7. Бодалев А. А. О необходимости создания новой теории общения / А. А. Бодалев // Материалы IV съезда РПО. – 2007. – Т. 1. – С. 108–109.
8. Выготский Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – М. : Смысл, 2003. – 1136 с.
9. Гусельцева М. С. Культурно-историческая психология и «вызовы» постмодернизма / М. С. Гусельцева // Вопр. психологии. – 2002. – № 3. – С. 116–126.
10. Дагбаева С. Б. Ценностные ориентации современных студентов: этнопсихологический аспект / С. Б. Дагбаева, Р. Д. Санжаева. – Чита : Изд-во ЗабГГПУ, 2008. – 135 с.
11. Дубровина И. В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности // Вестн. практ. психологии образования. – 2009. – № 3. – С. 17–22.
12. Карнышев А. Д. Межэтническое взаимодействие и межкультурная компетентность / А. Д. Карнышев, М. А. Винокуров, Е. Л. Трофимова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. – 310 с.
13. Кыштымова И. М. Психосемантика креативности / И. М. Кыштымова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2008. – 578 с.
14. Лебедева Н. М. Этническая и кросс-культурная психология / Н. М. Лебедева. – М. : Пресс, 2011. – 342 с.
15. Монсонова А. Р. Этноконфессиональная принадлежность как фактор формирования системы ценностных ориентаций молодежи (Байкальский регион) / А. Р. Монсонова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – 128 с.

16. Санжаева Р. Д. Психологические механизмы готовности человека к деятельности / Р. Д. Санжаева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1997. – 178 с.
17. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А. В. Серый. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.
18. Сорокин П. А. Человечество. Культура. Цивилизация / П. А. Сорокин. – М. : Прогресс, 1992. – 246 с.
19. Судзуки Д. Т. Дзен-буддизм в Японской культуре / Д. Т. Судзуки. – СПб. : Триада, 2004. – 272 с.
20. Яницкий М. С. Ценностное измерение массового сознания / М. С. Яницкий. – Новосибирск : Наука, 2012. – 312 с.

Ethnopsychoculture of Personality in the Context of Transboundedness

R. D. Sanzhaeva

Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. The problem of consistency in the development of ethnic group culture, and mankind as a whole, with tradition being a basic mechanism, through a new concept of «ethnopsychoculture of personality» in the context of transboundedness: Russia, Buryatia – Mongolia – China, where traditional culture initially implies spiritual values of a human life in the context of Buddhism culture and education. Buryat traditions, rites and customs are viewed in the context of centuries-long dialogue with Russian, «Semeisky (Old Believers)» in particular, culture, and, as a behavior sample, present culture semantic content. The author identifies three components of ethnopsychoculture model: cognitive, affective, and conative and behavioral serving to form system of values of mind development. The problem of ethnoculture, comprising all life spheres, involves such aspects as education and personality training, which are its primary focus.

Keywords: culture, ethnopsychoculture, tradition, communication, communication, transboundedness, education, teacher.

*Санжаева Римма Дугаровна
доктор психологических наук, профессор,
кафедра возрастной и педагогической
психологии
Бурятский государственный университет
670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
e-mail: rimmasan24@mail.ru*

*Sanzhaeva Rimma Dugarovna
Doctor of Sciences (Psychology), Professor,
Department of Developmental
and Pedagogical Psychology
Buryat State University
24a, Smolin st. Ulan-Ude, Buryat Republic,
670000
e-mail: rimmasan24@mail.ru*